

- Пообещайте мне, что первым делом приведете его к Амелии, если я не продержусь до утра, директор, – потребовал слабый голос.

- Хм, Селена, я сделаю, что смогу, – ответил старческий голос безразличным тоном.

- Я дал вам достаточно информации, чтобы ударить их по больному месту! Я требую этого, – без колебаний произнес слабый голос, – Я обратился к вам как к Владыке Светлой стороны и лидеру вашего маленького отряда, потому что вы должны стоять за добро! Амелия – единственная, кому я доверяю, она правильно воспитает его, особенно после того, что случилось с ее братом!

- Я действительно сторонник добра, будьте уверены, – мягко пообещал старческий голос, принадлежащий предполагаемому лидеру света, как будто он хотел, чтобы все, даже он сам, пропустили его слова мимо ушей, – Как его зовут?

- Талион Макнейр. Никогда не говори ему, что именно Рабастан Лестрейндж заставил бедного мальчика стать частью этого мира после того, как темный лорд и мой отец продали меня ему. Его отец – не что иное, как жестокий монстр в человеческом обличье, – произнес слабый голос, который становился все слабее.

- Я позабочусь об этом, Селена. А теперь спи, я постараюсь залечить твои раны, насколько это в моих силах, – шепотом уговаривал "директор.

Как только ослабевший голос молодой женщины перестал что-либо говорить, а с той стороны послышалось слабое, неровное дыхание, старческий голос заговорил снова, приближаясь к тому, кто слушал, незаметно для всех присутствующих.

- Еще один ребенок, родившийся в конце седьмого месяца, незадолго до полуночи. Если бы она не приблизилась к защитным полям Хогвартса, я бы никогда не узнал... у него даже есть метка, но он получил ее еще до своего рождения. Конечно, мальчик не может быть признан равным Тому, пока не начнет дышать самостоятельно, – задумчиво произнес голос, когда его обладатель взял на руки притихшего малыша, – Прости, мальчик, что я делаю то, что необходимо. На всякий случай, если пророчество сбудется, я не могу позволить тебе пойти к мисс Боунс или остаться с твоей матерью...

- Будь уверена, Селена, – прошептал голос еще тише, настолько тихо, что было удивительно, как новорожденный на его руках смог его услышать, – Возможно, все обернется не так, как ты хотела, но это для общего блага...

Тринадцать лет и одиннадцать месяцев спустя Талион, которого в сиротском приюте называли Тимом, обнаружил, что размышляет обо всем, что, как он знал, было правдой о мире и чему он научился в первые часы своей жизни, как и в любой другой день.

- Директор", - Владыка Света", - глава ордена" - Талион был уверен, что его покойная мать Селена разговаривала с неким "Альбусом Дамблдором" в самую первую минуту их разговора. Несмотря на то, что она не была знакома с Селеной Макнейр, все остальные имена в их переписке были знакомы душе новорожденного Талиона. Душе, которая выросла, читая книги и фанфики о Гарри Поттере, а также смотря фильмы в своей прошлой жизни.

Он мало что помнил из своей прошлой жизни, но это перевоплощение заставило его остро осознать свои первые часы бодрствования на этой планете. Селена избежала лап пожирателей смерти и Волдеморта в день своего рождения, и вместо того, чтобы пойти в министерство, в Сент-Мунго или куда-либо еще, его мать решила доверить его Альбусу Дамблдору, директору Хогвартса и обладателю бесчисленного множества других титулов и имен.

Родившийся в тот же день, что и главный герой оригинальной истории, с которой знаком Талион, Волдеморт по той или иной причине наложил смертельные заклинания на Селену и, в свою очередь, поразил ее чрево, отметив Талиона в процессе и дав ему право быть ребенком из оригинального пророчества, если его мать бросила вызов Волдеморту раньше.

Может быть, она была шпионкой, продававшей информацию другим? Это, конечно, звучало не так, как будто это было в первый раз, особенно если учесть, что она была знакома с Амелией Боунс, которая впоследствии стала главой департамента авроров и ярыми врагами фракции пожирателей смерти.

И все это привело зрелую душу к убеждению в одном. Альбус Дамблдор проигнорировал пожелания его матери и отправил его в "маггловский" сиротский приют, вместо того чтобы отдать его Амелии Боунс, как умоляла его мать.

Еще одна вещь, в которой он был совершенно уверен, заключалась в том, что Дамблдор не исцелял его мать. Либо это так, либо ее невозможно было вылечить, и она умерла после того, как Дамблдор отвез его в приют, потому что Селена, должно быть, сильно пострадала, когда оказалась рядом с директором. Он действительно очень ясно помнил самое первое, что произошло в его новом теле: боль.

Перед тем, как он покинул тепло материнского тела, ему была нанесена рана, и эта боль пробудила его от того тумана, в котором пребывало его сознание после перерождения. Рана, которая оказалась постоянным шрамом, идущим идеально горизонтально через переносицу. Они были такой длины, что почти точно переходили от зрачка к зрачку, независимо от того, насколько он вырос, и образовывали идеальную прямую линию.

Это должно было быть темное режущее проклятие, которым была поражена его мать, а впоследствии и он сам, потому что только после его первого случайного колдовства эта рана начала затягиваться, вероятно, потому, что так захотела его собственная магия. Он каждый день удивлялся, как Дамблдор мог оставить такой шрам на новорожденном ребенке. Потому что, несмотря на то, что рана зажила сама по себе, она болела каждый день в течение многих лет.

Что бы ни предпринимали воспитатели до этого, края раны почернели и никак не хотели закрываться, пока в возрасте семи лет он не вылечил ее с помощью магии. Только после этого знакомая боль постепенно перешла в неприятное покалывание, а затем и в едва ощутимый зуд.

Более чем через тринадцать лет после его рождения шрам превратился в бледный остаток того, чем он был когда-то, но даже при его светлой коже он все еще был заметен. Однако это не портило его довольно привлекательную внешность, потому что вместо того, чтобы привлекать внимание к его довольно высокому носу, оно привлекало внимание к его глубоким голубым глазам, в которых при правильном освещении иногда отражались бронзовые крапинки.

- Эта дыра находится в Лондоне. Я очень слабо контролирую беспалочковую магию, но это непросто. Настоящие магические вспышки начались, когда этот подонок попытался сфотографировать девочек в приюте. И я на девяносто девять процентов уверен, что я - дитя пророчества из вселенной Гарри Поттера. Где, черт возьми, мое чертово письмо из Хогвартса?

Талион тупо уставился на серую стену перед собой. К этому времени он уже был уверен, что если это и был мир Гарри Поттера, то в нем действовали другие законы - более того, он был уверен, что это Альтернативная Вселенная, или АС.

- Еще месяц, и я сбегу, несмотря ни на что. Глупое правило, согласно которому тем, кто убегает из приюта, не разрешается возвращаться... Каким бы ужасным ни было это место, это лучше, чем умереть на улицах с еще меньшим количеством еды, чем я получаю здесь, - пробормотал Талион в глубокой задумчивости, прежде чем посмеяться над самим собой, - Если Хогвартс все-таки существует, я точно не буду зачислен в Гриффиндор, это точно.

- Что ж, попробуй номер восемьдесят шесть. Давайте посмотрим, достаточно ли почти четырнадцать лет, чтобы призывать домашних эльфов, - со вздохом произнес Талион, ни к кому не обращаясь, и внезапно принял серьезный вид, - Я, Талион Макнейр, обращаюсь ко всем домашним эльфам, верным Дому Макнейр и Лестрейнджам.

<http://tl.rulate.ru/book/113803/4565532>